— На помощь, как всегда, приходят произведения, несправедливо забытые или насильственно «изъятые» из обихода. Сейчас я ставлю пьесу Л. Зорина «Гости», написанную в 1953 году и тогда же запрещенную. Действие происходит в коротком промежутке между смертью Сталина и крушением Берии. Еще впереди XX съезд, еще не открылись ворота лагерей... Самые первые, еще робкие попытки освободиться от парализующего страха, тотальной подозрительности, недоверия к людям. Надеюсь, эта постановка поможет восстановить давние контакты с драматургом, когда-то дебютировавшим в Малом театре. Репертуарные поиски — ими заняты сейчас все наши режиссеры — идут в широком литературном диапазоне...

— Нельзя ли рассказать о них подробнее?

— Пытаемся выстроить афишу в определенной логике, связанной с духовными запросами дня. Пьеса английского автора К. Хэмптона «Сказки Голливуда», которую ставит Б. Львов-Анохин, рассказывает о крупнейших деятелях европейской культуры, бежавших за океан от фашистской диктатуры, а по существу — о губительном воздействии на личность идеологии насилия. Здесь есть некая перекличка с пьесой Л. Зорина... Не случайно возникли и «Хищники» А. Писемского — полузабытая пьеса, показывающая, как опасна для общества бюрократическая иерархия, не дающая нации свободно вздохнуть, распрямить спину... «Дети» М. Горького — картина затхлых провинциальных нравов, отравляющих человеческую душу. «Рембрандт» Д. Кедрина затрагивает отношения художника с миром, возвращает театр к традиции стихотворной драмы. Проблемы обыденного бытия, женского одиночества в современном городе волнуют писателя А. Курчаткина, автора пьесы «Бабий дом». О разрушении и утрате коренных идеалов народной жизни с тревогой говорит молодой драматург Нина Садур в драме «Пока живы». Все эти спектакли репетируются в Малом театре.

На будущее — размышляем о «Петербурге» А. Белого и «Игроке» Достоевского, «Больших надеждах» Диккенса, «Эдипе-царе» Софокла (пора вернуться к классической трагедии) и «Каине» Байрона, «Горячем сердце» Островского, пьесах Шекспира... Говорю, а сам невольно прикидываю — в какую «категорию» зачислит нас сколотетральная молва с этими планами? Впрочем, стоит ли об этом...

— В течение нашей беседы, Владимир Алексеевич, не раз возникала мысль о проявлениях определенного нигилизма по отношению к культурной традиции. Не кажется ли вам подобная тенденция закономерной в нынешних условиях? Может быть, это всего лишь издержки всеобщей тяги к обновлению? Или естественная реакция на вчерашнюю «образцовость», закрытость для критики тех или иных «носителей традиций», полуофициально утвержденных в этом качестве, однако подрастерявших свое былое значение? Такое наблюдалось ведь и прежде. Классический пример: нетерпимость пролеткультовцев к старым академическим театрам в начале 20-х годов...

— Вы во многом правы. Готов согласиться со справедливой критикой, если она не сводится к уничтожению основ, разрушению духовных связей между поколениями, плодородной почвы искусства. И если уж мы обратились к истории, вспомним, какой решительный отпор давал подобным взглядам Ленин. Вспомним Луначарского, который накануне столетия Малого театра писал: «Было бы настоящим несчастьем, если бы эта традиция оборвалась». Их опыт учит нас верному восприятию сложных явлений. Мы должны видеть их подлинную суть в контексте времени. Не забывайте, что ортодоксальность далеко не всегда облечена в консервативную форму. Она подчас выступает в пышном одеянии из броских, ультрареволюционных фраз, но не становится от этого более прогрессивной, ибо настоящий прогресс несовместим с догматизмом. И это тоже — выстраданный вывод из истории нашего общества, нашего искусства.

В заключение позволю и себе процитировать Станиславского: «Есть вечное и есть модное в нашем искусстве. И то и другое нужно и важно... Вечное искусство — это главное шоссе, модное — проселочные дороги. Пусть молодежь с азартом и увлечением отходит временно от большой вечной дороги и бродит по проселкам, чтоб собирать там цветы и плоды. ...Но пусть только они не заблудятся в проселках. Пусть они не забывают о главном вечном пути, где оцениваются искания, хранятся новые ценности, поддерживающие вечный огонь в светильнике искусства». Возможно, не всем эти слова покажутся бесспорными. Но для меня они важны. Тем более, что сказаны в размышлении о театре, которому я служу в меру своих сил и способностей.

Беседу вел
Андрей ВОЛЧАНСКИЙ

ПРЕСТУПЛЕНИЯ И НАКАЗАНИЯ

Юрий АРАКЧЕЕВ

Читательский резонанс на повесть «Пирамида», опубликованную в журнале «Знамя» в прошлом году, превзошел «резонансы» на все предыдущие мои вещи в несколько раз. В тех сотнях писем, что захлестнули меня валом цунами, читатели пишут о правде, достоинстве и порядочности в нашей жизни — об остром дефиците и того, и другого. О справедливости, честности и благородстве пишут люди, словно пробуждающиеся от зимней спячки, пишут о вере в добро, о перестройке.

Есть письма от студентов, пенсионеров, старых большевиков, ветеранов Великой Отечественной войны, шахтеров, учителей, инженеров. Но особенно много пишут заключенные или их родственники и работники правоохранительных органов.

Для тех, кто не читал «Пирамиду», скажу, что повесть документальная, речь в ней идет о том, как в туркменском городе Мары в 1970 году приговорили к смертной казни человека без достаточных на то оснований. В его защиту выступили честные, смелые люди. Борьба длилась четыре с половиной года и закончилась как будто бы победой справедливости, но все это время человек сидел в тюрьме, а кроме того, один из свидетелей покончил с собой; один психически заболел, многие, причастные к этой истории, потеряли веру в справедливость вообще. Истинные виновники преступления так и не были найдены, и все жертвы были только со стороны победителей. Настоящей победой было бы опубликование повести об этом деле и наказание виновных. Увы, борьба за опубликование повести длилась девять лет, виновные так и не были наказаны, жертвы были опять и опять только с одной стороны.

Все это и составляет содержание «Пирамиды», причем я постарался не только описать, но и осмыслить, проанализировать то, что происходило, ибо во всех событиях четко проявились закономерности нашей жизни. Моей задачей было не только рассказать, но и поставить вопросы, разбудить общественное мнение, заставить думать над тем, как же нам сделать так, чтобы подобное не повторялось.

Серьезного анализа в прессе я так и не дождался, зато в письмах, которые получил и продолжаю получать до сих пор, есть детальные и весьма квалифицированные разборы повести, а также целые трактаты о судебных делах, о нашей юридической системе, о жизни. И малой части их хватило бы, чтобы понять: труд мой все же не напрасен, голос не затерялся в пустыне равнодушия и безразличия.

Из писем видно, как трудно, очень трудно, иной раз совсем невозможно пробиться сквозь бюрократические редуты. Даже самые сильные, вопиющие голоса не достигают наших ушей. Учреждения, обязанные по долгу службы улавливать эти голоса и либо доводить их до всеобщего сведения, либо принимать конструктивные меры — не против тех, кто подает голоса, а против обстоятельств, которые эти голоса вызывают, — эти учреждения, увы, не исполняют своих обязанностей, а служащие этих учреждений думают не о благе и спокойствии граждан страны, они думают о благе личном, своем.

Издать, опубликовать эти письма целиком — с ошибками, описками, грамматическими неправильностями — было бы худа как полезно для всех нас, не говоря уже об авторах писем, ибо то, о чем пишут они, касается всех, и если звучит колокол человеческого горя, то звучит он, как известно, не о комнибудь. Колокол звонит по тебе.

«...Я заключенный, нахожусь в ИТК особого режима. Месяц назад, будучи в больнице, я впервые услышал от сокамерников о вашей книге «Пирамида». За две последующие недели мне пересказывали ее три раза. Когда вернулся назад, в зону, мне удалось достать номера «Знамени» и вслух прочитать всей камере. Впечатление сильнейшее. Но не от событий, которые там описаны. Невиновных, осужденных нашей Фемидой, я за 13 лет, проведенных в ИТК, видел множество. Подлецов и просто безразличных «властьимущих» еще больше. Вы нарисовали развернутую картину состояния (морально-нравственного) наших правоохранительных органов, приоткрыли завесу для непосвященных. Этим в «конечном итоге вы помогаете именно честным людям, именно справедливости. Настоящий преступник свое найдет (ведь он эгоист и лентяй). Очень важно, чтобы народ узнал наконец, что творится внутри системы МВД — Прокуратура — ИТУ».

Это письмо из Пермской области, по понятным причинам не называю фамилии автора. Между прочим, человек не жалуется на свою личную судьбу, не просит помощи лично ему — это я подчеркиваю особенно, — хотя в его положении это было бы весьма понятно. Все длинное письмо его посвящено проблемам нашей пенитенциарной, то есть тюремной, системы.

Письмо из Астраханской области:

«Знаете, так много хочется написать вам, рассказать очень много не за себя лично, а вообще. И про амнистию — эту каплю в море (которую отдали на растерзание местным властям), и про жизнь нашу собачью без дальнейших перспектив, потому что из многих сделали и потенциальных преступников, и просто животных... Назову лишь некоторые «воспитательные методы», которые пришлось пройти мне лично. Карцеры, изоляторы, просто многочисленные избиения, а также такие мелочи, как духота, холод, голод, грязь, вши и другое, о чем упоминать не хочется. И это происходило и происходит с каждым из нас...»

Еще письмо:

«Пишет вам человек, отбывающий наказание в Восточной Сибири, кандидат наук... Даю вам честное слово, что под этим письмом с величайшим удовлетворением подписались бы все заключенные нашей колонии и многие из работников администрации, которые, к счастью, еще сохранили свой моральный облик и пока что не деградировали. Однако из чисто практических соображений не даю им поставить свои подписи под этим письмом. Что заставило меня взяться за перо? Надежда на понимание».

Далее почти на ста страницах убористого текста автор письма подробнейшим образом и весьма квалифицированно (и с юридической, и с литературной точки зрения) разбирает повесть и рассказывает о порядках в наших колониях сейчас и, в частности, о том, как беспощадно жаловаться на непорядки и невозможно добиться пересмотра дела.

Вот эта проблема — беспощадности жалоб, невозможности добиться пересмотра дела, призвать к ответу законоотступника-следователя — пожалуй, самая вопиющая в письмах. Есть такие, которые сообщают о ста ответах-отписках, рисуют образ «бронированных дверей», глухой стены отчуждения, неверия, неприязни, нежелания не только помочь, но просто проверить то, о чем пишут люди, порой лишь волей роковых обстоятельств оказавшиеся в роли обвиняемых, а потом и осужденных.

«Расскажу такой курьез, который произошел со мной, — пишет заключенный из Восточной Сибири. — Старший следователь по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР, государственный советник юстиции 3-го класса в процессе следствия по моему делу допускал подлоги, подтасовывал доказательства... Об этих нарушениях я через администрацию изолятора на имя Генерального прокурора СССР отправлял семьдесят один раз заявления и жалобы. Каждый раз из Прокуратуры СССР на фирменном бланке я получал монотонные «ответы-отписки: «Ваша жалоба рассмотрена. Приведенные факты не подтвердились. Жалоба оставлена без удовлетворения».

Наконец, когда я окончательно убедился, что мои законные требования превращают в сизифов труд, то иссяли мои «запасы прочности», и я в произвольной форме изложил весь текст «Интервиюнала» («Вставай, проклятьем заклейменный...») и отправил в Прокуратуру СССР на имя Генерального прокурора. Спустя 21 день администрация следизолятора дает мне возможность ознакомиться с ответом: «Прошу объявить заключенному, что его жалоба нами получена и рассмотрена. Факты, приведенные в жалобе, при проверке не подтвердились. Руководство прокуратуры жалобу оставило без удовлетворения».

Такова картина. Думаю, что столь большая и столь драматичная почта моя объясняется во многом тем, что людям просто больше некуда обратиться в поисках справедливости: писатель, автор «криминальной» повести — для них последняя инстанция, ибо все другие пути уже пройдены, и без пользы. Я мог бы привести здесь сотни подобных грустных свидетельств, тем более грустных, что ведь и я не могу помочь авторам писем.

Наказание, назначаемое народным судом, ни в коем случае не должно иметь характер мести. Изоляция преступника в рамках пенитенциарной системы преследует две цели: оградить общество от нарушителя его законов и перевоспитать изолированного человека, чтобы выгущенный обратно в общество законов его впредь не нарушал. Достигнет ли цели наказание, если человек не осознает справедливости его? Несправедливое наказание может лишь озлобить человека, а вместе с ним и целую цепочку других людей, видящих эту несправедливость.

Положением дел обеспокоены даже сами работники правоохранительных органов. «Я работаю в органах внутренних дел 15 лет, — пишет товарищ Кривов из Ферзикова Калужской области. — Меня глубоко беспокоит то, что встречаются у нас еще джапаровы, милосердовы, бойченки и ичиловы («отрицательные» герои повести. — Ю. А.). И от встречи с ними не застрахован никто. Что печально: пока мы с ними не сталкиваемся, нас мало волнует то, что они есть...»

А вот выдержки из большого письма Г. Я. Литвиновской из города Душанбе, адвоката с 36-летним стажем:

«Почему-то существует возмутительная порочная практика, когда все ходатайства защиты отклоняются, когда за 200 рублей полученной взятки и за 10 тысяч дают одинаково 8—10 лет без учета личности и особенностей дела, когда за каждый шаг, за малейшую провинность определяют тюрьму, колонию, причем вперемешку осужденным.

Нет, я не пропиваю слез над всеми заключенными. Добрая треть воров, рецидивистов, грабителей, наркоманов, убийц заслуживает суровых наказаний, ну а как же быть с 14-летними, 16-летними мальчиками, желторотиками, которым за случайный проступок определяют 5 лет колонии?! С уверенностью можно сказать, что он больше человеком не будет никогда, ибо из колонии «пацаны» возвращаются угрюмыми, блатными, готовыми на любые преступления людьми...

Пожалуй, Верховный Суд СССР — единственная инстанция, способная смело и бескомпромиссно решать дела, искоренять судебные ошибки. Но ведь, увы, Верховный Суд СССР недоступен для миллионов граждан».

Еще одно короткое, но весьма примечательное письмо от работника правоохранительных органов:

«Подобные дела не исключены и теперь... Я только что изучил дело одного молодого человека, осужденного Верховным судом республики в прошлом году. Обвинение, по-моему, построено на самооговоре. От этих показаний он вскоре отказался на следствии, а позже на суде. А приговорили его к 15 годам лишения свободы! Мной поставлен вопрос перед прокурором республики об опротестовании приговора. Правда, в это я мало верю. Ведомственные амбиции, увлечение показателями до сих пор кружат голову некоторым работникам правоохранительных органов. А решаются судьбы людей!»

Чем же примечательно это письмо? Да тем, что написано оно заместителем прокурора республики, государственным советником юстиции 3-го класса. Получается, что даже человек, занимающий столь высокий пост, не очень-